

Что касается г-жи Зыковой, то можно сказать, что передача ей роли Алисы является результатом недоразумения. Партия эта все же не драматическая, какъ думаютъ некоторые, а чисто-литературная. На такое амплуа участь есть превосходная извѣса—г-жа Василевская. Въ виду того, что роль Изабеллы нашла у настѣ себѣ очень хорошую исполнительницу въ лице г-жи Сидней, мы рекомендуемъ дирекціи передать роль Алисы г-же Василевской. Г-жа Зыкова, такъ сказать, скончала всю партию. Мы уже не говоримъ о драматической сторонѣ исполненія: всѣ эти движения руки, яко-бы перемѣна выраженія лица и вообще всѣ эти видимые прѣмы игры—вѣдь, никого не обмануть. Зритель признаетъ, что это не драматическая игра. Но пѣнѣ г-жи Зыковой было совершенно неудовлетворительно: прекрасная ария первого действия о смерти матери не оставила ни малѣшаго впечатленія, а мизансака колоритная пѣсенька Алисы получила какой-то грубы, неоднинаковый характеръ. Г-жа Зыкова не сумѣла загладить ничѣмъ недостатковъ своего надломленного голоса и тяжелой колоратурой... Впрочемъ, только въ послѣднемъ актѣ исполненіе ея сдѣлалось нѣсколькоѣно сносѣніе.

Оркестръ подъ управлениемъ г. Эмануэля игралъ хорошо: толково и живленно. Только обычный поддатокъ дирижера сказался и на этотъ разъ: духовые инструменты заглушали голоса исполнителей, что особенно было замѣтно въ 1-мъ актѣ, где г. Соколова, пѣнаго балладу, во многихъ мѣстахъ было едва-едва слышно.

Хоры разутены недурно, только пѣнѣ съ мѣнѣніемъ выразительностью, чѣмъ это, требовалось для многихъ пѣнеровъ. Особенно это относится къ знаменитымъ хораламъ послѣднаго акта.

Сл. Большая-Писаревка Богодуховскаго уѣзда. (Корреспонденция „Харьк. вѣд.“).

25-го сентября у насъ происходило торжество освященія дома и открытия земской больницы... Чтобы понять и по достоинству оцѣнить значеніе постоянной земской больницы въ нашемъ околотѣ, достаточно сказать, что до сего времени мы, живущіе въ четырехъ огромныхъ волостяхъ Больше-Писаревской, Вольновской, Тарасовской и Новоградовской, съ населеніемъ до 20,000 душъ, не имѣли постоянной врачебной помощи ближе, какъ за 30 верстъ, т. е. въ г. Богодуховѣ.

Честь инициативы и осуществленія учрежденія больницы безспорно принадлежитъ предсѣдателю нашей земской управы В. Е. Егорову. Провести это дѣло было не легко: прежде всего оно стоило дорого, на расходы вообще, а на крупные извѣсности, многие земцы смотрятъ очень не дружелюбно; нужно было сильно ратовать и можетъ быть, какъ говорится, дѣло не выгорѣло бы, если бы не встрѣтило просвещенія сочувствіе и правственное поддерканіе въ предсѣдателѣ земскаго собрания В. К. Бискупскомъ.

Домъ для больницы купленъ въ мѣстномъ торговомъ Пономаренко. Это прекрасное каменное двухъ-этажное зданіе довольно по-радикально разѣрѣло. 25 сентября къ 12 часамъ прибыли изъ Богодухова гг. предсѣдатель земской управы, мировой судья г. фанъ-Стеаль, уѣздный исправникъ, врачъ 2 участка Демиловъ, собрались окрестные землевладѣльцы, волостные старшины, глашатай крестьянъ и много простаго люда. Крестьяне ходомъ привнесены были въ домъ образъ Св. Великаго Князя Александра Невскаго, прѣобрѣтенный обществомъ крестьянъ въ память 25-ти лѣтія Царствованія Царя-Мученика, Освободителя Императора Александра II. Помолвились о здравіи и благо-дѣлѣ Государа Императора и всего Царствующаго Дома освятленіе зданіе больницы, послѣ чего мѣстными священниками о. Александромъ Артиховскимъ сказано было приличное слушаніе прочтываніе слова на топъ о любви къ ближнимъ. Затѣмъ по окончаніи церковнаго торжества обществу было предложено будущимъ хозяинамъ больницы молодымъ врачу г. П. П. Капитоновскимъ вѣдь приставающимъ скромный завѣтъ. Послѣ тога за здоровье Государа Императора и Его Августѣшаго Дома, встрѣченаго громкими "ура", былъ предложенъ тостъ за здоровье В. Е. Егорова, создателя, можно сказать, нашей больницы Затѣмъ г. исправникъ предложилъ тостъ за здоровье молодого врача и его сотрудникъ, пожелалъ имъ добросовѣтно потрудиться на пользу дѣла и общества, пожелалъ, чтобы они не формально только, а любовно примѣнили свои познанія къ страждущимъ; чтобы вниманіемъ и гуманізмомъ обращеніемъ они пріучили къ себѣ простой народъ, выразили его извѣсніе бѣзбѣдъ и здѣшнѣхъ. Г. предсѣдатель управы, пожелавъ процѣнѣніе утвержденія, выразилъ наличными гласными надежду, что утвержденіе это будетъ на-всегда поддержано земскими собраниемъ, какъ бы неизмѣнѣлся составъ его.

Не долго длилось наше торжество; скоро разѣрѣлись наши гости; разошлись по домамъ и мы, унося отрадное впечатленіе и отъ души жалѣя, чтобы на-долго продлилась благотворная для уѣзда земская дѣятельность В. Е. Егорова.

Крестынинъ Богатыренко.

Похороны И. С. Тургенева.

Занимствуетъ изъ „Новостей“ рѣчи, сказанные при погребеніи великаго художника. Первымъ говорилъ ректоръ с.-петербургскаго университета, г. Бекетовъ. Приводимъ его рѣчь цѣлкомъ:

„И приблизился къ этой дорогой могильѣ

для того, чтобы сказать послѣднее прости

отъ лица своихъ товарищъ и всего наше-

го университетскаго юношества. Но, проща-

ясь съ успокоившимъ поэтомъ, не могу

говорить о немъ, какъ о почившемъ на вѣ-

ки, ибо никогда еще не былъ онъ такъ

могучъ, какъ тенеръ. Силы, какія онъ въ

себѣ хранилъ, передавалъ ихъ по временамъ

въ своихъ произведеніяхъ, не только не

потягнули, но разлились еще съ большей

энергию, потрясали сильнѣ, чѣмъ когда-либо

сердца всѣхъ способныхъ чувствовать

и мыслить. У гроба Тургенева въ умѣ

постоянно занятому изученіемъ природы,

невольно и съ особою яркостью возника-

ютъ великия представления о вѣчности силъ

и преемственности жизни.

Въ небесныхъ вишняхъ есть столь от-

даленныхъ отъ настѣ свѣтила, что свѣтъ,

имъ изливаемый, не смотря на сѣдя вообра-

зину быстроту своего движенія, доходитъ

до насъ только черезъ сотни тысячъ лѣтъ.

Сѣть этихъ мѣръ поражаетъ наше взоръ

въ то время, когда они самы давно исчезли въ

всѣхъ произведеніяхъ, не только не

потягнули, но разлились еще съ большей

энергию, потрясали сильнѣ, чѣмъ когда-либо

сердца всѣхъ способныхъ чувствовать

и мыслить!

Послѣ г. Муромцева на подмостки, окру-

жавши мотилъ, взошелъ Д. В. Григоровичъ

и разстрѣганнымъ голосомъ произнесъ слѣ-

дующую рѣчь:

„Трудно прибавить къ тому, что было

говорено и писано о Тургеневѣ со дна его

кончины до настоящей минуты. Но личи-

стъ избранный, личность исключительно оди-

реніи, какъими пренадлежалъ Иванъ Сергеевичъ,

заключаются въ тебѣ исчад-

иа пособіи погибшими, ибо волны эфира, по-

разжащія наше аршинъ, спасли

и оживили насъ!

„Вспомините всѣ вы, окружающіе теперь

могилу Тургенева,—вспоминте, съ какимъ

единодушемъ отозвалась всѣ образованіи

мира на Западѣ и на насъ, во всей Россіи

когда пронеслась горестная вѣсть о его

кончинѣ!

Чѣмъ же былъ Тургеневъ, чтобы кон-

чию своей вѣзантъ въ сотняхъ тысячъ

людей столь сожалѣй, столь слезъ,

столь истина гора?

По какому поводу дѣстки тысячи его

соотечественниковъ сердцемъ рутились теперъ

къ его могилѣ и всѣ мы здѣсь стоящіе,

такъ глубоко потягнули и взволзнули?

Почему мы здѣсь? Приказъ никакаго не

было! Но произнесено было имъ Тургеневъ,

и со всѣхъ концовъ нашего отечества

лица разныхъ сферъ, и старый, и молодой

какъ одинъ человѣкъ, пожелали почтить

его мѣстомъ движенью.

Отъ залѣзшаго растѣ

и прѣобрѣтеннаго растѣ

и прѣобрѣ